

СЮЖЕТЫ • ОБЩЕСТВО

Брошенная Москва

Как чекисты бежали из столицы 16 октября 1941 года,
ожидая штурма со стороны вермахта

Иллюстрация: Анастасия Кшиштоф

20:01, 16 октября 2023,

Никита Гусев

специально для «Новой газеты Европа»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

16 октября 1941 года (если точнее – 15,16 и 17 октября) – это кульминация первого четырехмесячного периода войны.

16 октября по радио в утренней сводке Совинформбюро сообщалось: «За истекшие сутки положение на Западном фронте ухудшилось». После этого радио – только оно давало населению страны минимальную информацию – замолкло. Наступила полная информационная тишина.

Вермахт стоял на пороге Москвы, город охватила паника. Советские руководители и чекисты бежали из столицы.

ГОВОРЯТ СВИДЕТЕЛИ 16 ОКТЯБРЯ

Из воспоминаний историка Георгия Мирского: «Только выйдя на улицу Горького, я стал догадываться, что же на самом деле произошло на фронте. По улице мчались одна за другой черные “эмки”. В них сидели офицеры со своими семьями. На крышах машин были привязаны чемоданы, узлы и какие-то коробки. Это ехали офицеры штаба Московского военного округа. Рано утром штаб округа получил секретную военную сводку, из которой следовало, что немцы прорвали фронт и уже достигли Можайска в 100 км от столицы. В штабе, видимо, решили, что немцев можно ожидать в Москве с часу на час. И штабисты драпанули».

Писатель Даниил Гранин пишет о том, что рассказывал ему о 16 октября советский премьер-министр Алексей Косыгин, в то время бывший зампредом Совнаркома: «Правительство эвакуировалось в Куйбышев. Совнаркомовские кабинеты опустели. Двери открыты настежь. Повсюду звонили телефоны. Косыгин

переходил из кабинета в кабинет, брал трубку, отвечал, чтобы показать, что власть работает».

Врач «скорой помощи» Александр Дрейзер вспоминал: «По Садовой угоняют куда-то несметное количество свиней и коров. Темные личности тянут в подворотни свиней чуть ли не на глазах у пастухов». Есть кинохроника — коровы и свиньи проходят перед Большим театром.

На предприятиях шли массовые увольнения. 16 октября срочно раздавали зарплату, хотя не всем и не везде. Люди, ожидавшие денег, видели, как бежит начальство.

Замдиректора завода «Точизмеритель» имени Молотова по фамилии Рыгин, нагрузив машину большим количеством продуктов питания, пытался уехать с заводской территории. Был задержан и избит рабочими.

Вспоминает писатель Аркадий Первенцев: «Мы выезжали из Москвы по шоссе Энтузиастов. Оно было запружено толпой. Несколько человек бросились на подножки, на крышу машины. Застучали кулаками по стеклам. Лобовое стекло треснуло и рассыпалось. Десятки рук схватили машину и сволокли на обочину. Какой-то человек поднял капот и начал рвать электропроводку. Десятки рук потянулись в машину и вытащили мою жену. “Что вам нужно?” — закричал я. В ответ заорала сотня голосов: “Небось деньги везешь? А нас бросили голодными! Небось парторг или директор, сволочь?”

Я понял их. Я посмотрел на их провалившиеся щеки, на

черные засаленные пальто и рваные башмаки и вдруг увидел страшную пропасть, разъединявшую нас, сегодняшних бар, и этих людей. Я крикнул, что я советский писатель, что я снят с военного учета по болезни, что машина моя собственная. Я пишу книги и купил себе автомобиль. Нас решили отпустить. Перед этим они еще побили нашу машину. Вырвали из рук у жены пиджак, забрали мои волчьи унты. И всё. Мы поехали. Я видел, как грабили очередной ЗИС. Из него летели десятки пачек папирос, десятки пар носков и чулок. Это была машина кого-то из государственных деятелей. Он вывозил целый магазин. Из машины вылетел хлеб и упал на дорогу. Какой-то человек прыгнул к этому хлебу, схватил его и начал быстро есть».

Георгий Мирский рассказывал: «16 октября наибольшее впечатление производили мусорные ящики в московских дворах. Они были доверху набиты книгами в красном переплете. Это были сочинения Ленина. Они не помещались в контейнерах, их сваливали прямо на улицах и жгли. Весь центр Москвы был в этом дыму. На Кузнецком мосту, на Лубянке, на Мясницкой шел черный снег — пепел сожженных документов. По улицам летали бумаги с грифом “Секретно”».

Это была кульминация начала войны, главным настроением которой было полное непонимание происходящего, с самого верха и до низу.

Крушение планов Сталина

Утром 22 июня 1941 года в течение семи часов после нападения

Германии власть пребывала в таком шоке, что забыла оповестить население о том, что началась война.

Молотов вспоминал: « В тот день в горячке разговора, телефонных звонков кто-то сказал, что надо бы выступить по радио, сказать народу о случившемся, призвать к отпору врагу».

Сталин выступать отказался. В 12:15, через восемь часов после начала войны выступил Молотов.

После радиообращения Сталин сказал ему: «Я звонил сейчас командующим фронтами, они даже не знают точной обстановки. Просто удивительно, что такие крупные военачальники — и вдруг растерялись. Они должны сами отражать врага, не дожидаясь наших распоряжений, на то они и армия».

Распоряжений сверху 22 июня ждать было бесполезно. В момент нападения Германии рухнул сталинский план превентивного, предупреждающего удара по Германии, предполагавший исключительно наступательные действия на территории противника.

Москвичи строят заградительные сооружения, октябрь 1941 года. Фото: В. Vdovenko / RIA Novosti archive / CC-BY-SA 3

5 мая 1941 года Сталин выступил перед выпускниками военных академий, партийной и военной элитой. На прошедшем затем банкете в ответ на тост одного из генералов «За мирную сталинскую внешнюю политику» Сталин подает реплику: «Мы обязаны от обороны перейти к военной политике наступательных действий. Красная Армия есть современная армия, а современная армия — армия наступательная».

Вслед за этим сталинским выступлением появился план Жукова-Тимошенко-Василевского. Маршал Жуков по этому поводу в 1965 году скажет:

«Идея предупредить Гитлера появилась у нас с Тимошенко в связи с речью Сталина 5 мая 1941 года. Конкретная задача была поставлена Василевскому. 15 мая он доложил проект

директивы наркому Тимошенко и мне».

Главный упреждающий удар должен быть нанесен на Юго-Западе. Германские войска отрезаются от Балкан, в первую очередь — от румынской нефти. Последующая задача — овладение территорией бывшей Польши и Восточной Пруссией. Наконец — взятие Берлина.

Первая реакция Сталина на план Василевского-Жукова — активно отрицательная. Он боялся спровоцировать Германию и потерять инициативу. Затем Сталин изменил свое мнение. Именно в соответствии с планом упреждающего удара идет вся перегруппировка советских войск в начале лета 1941 года. Вплотную к границе передвигаются склады с горючим, боеприпасами и вооружением. На границе развертываются аэродромы. 22 июня первый удар германских люфтваффе будет нанесен именно по этим аэродромам. Новенькие МиГи даже не успеют подняться в воздух. За первые часы войны, еще до радиообращения Молотова будут потеряны 1200 самолетов. 900 из них — прямо на земле. Свою войну Сталин планировал на 1942 год. В 41-м Сталин не готов ни к наступлению, ни к обороне. Страна, подвергшаяся нападению, фактически предоставлена сама себе.

Советские зенитчики на крыше гостиницы «Москва».
Олег Кнорринг / RIA Novosti archive / Wikimedia.org (CC-BY-SA 3.0)

Начинается грандиозная миграция с востока на запад и с запада на восток. Поезда, идущие на Минск, на третий день войны уже не доходят до места назначения. Командиры Западного округа, в большом количестве (вопреки информации о дате нападения Германии) отправленные в отпуска, не могут добраться до своих частей. По шоссе и проселочным дорогам на запад идут мобилизованные молодые мужчины, которые не хотят, чтобы их сочли дезертирами, но при этом не понимают, как добраться до своих призывных пунктов, и не знают, что немцы уже близко. Нередко они пересекаются с командирами, возвращающимися из отпусков, образуют роты и батальоны, и самостоятельно выстраивают линии обороны. Понимания, где линия фронта, где штабы, — нет.

На восток идут женщины, дети, старики, девушки с маленькими узелками. Они идут по обочинам, по дорогам едут машины. немецкие самолеты гоняются за людьми и за

машинами, обстреливают из пулеметов. Люди плюхаются в пыль, в придорожные канавы. Их пересекает пулеметная очередь.

На краю поля четверо в военной форме требовали документы у человека в штатском. Он ответил, что документов у него нет.

Они опять требовали, тогда он крикнул:
«Документы вам? Гитлера ловите! Всё равно вам его не поймать!»

Военный молча вынул наган и выстрелил. Штатский согнулся и упал. Может быть, это и был диверсант, но, скорее всего — просто какой-нибудь мобилизованный, доведенный до отчаяния трехдневными мытарствами в поисках своего призывного пункта. Тысячи людей из остановленных и разбомбленных поездов продирались в эти дни к призывным пунктам. Едва застреленный упал, рядом разорвалась бомба. Через мгновение рядом лежали застреленный и стрелявший в него, убитый осколком военный.

Минск оставлен войсками Западного фронта. 3-я, 4-я и 10-я армии уже окружены юго-западнее Минска. Это первый большой котел. 330 тысяч пленных советских солдат и офицеров. Будут потом и более страшные котлы.

Отступающие танкисты бросают танки. Командир партизанского отряда, белорусский писатель Алексей Карпюк, живший в июне 41-го в деревне у шоссе Белосток–Волковыск–Слоним, вспоминал: «На шоссе оставались советские танки — целенькие, покрашенные свежей краской, с исправными моторами, пулеметами и пушками». Танкисты без танков отступают вместе с пехотой. Связи в войсках нет. Управление

потеряно. На дорогах толпы людей.

Советские танки проезжают по деревенской улице в Московской области, октябрь 1941 года. Фото: Л. Бать / RIA Novosti archive / CC-BY-SA 3.0

Константин Симонов, в то время военный корреспондент, находившийся на Западном фронте, в дневнике писал: «Настроение было отчаянное. По-прежнему всё было непонятно. Радио сообщало о сдаче небольших городков на границе; о Минске не упоминалось. Говорили о взятии Ковно и Белостока. Между тем в Могилёве говорили, что бои уже идут под Бобруйском. Было такое ощущение, что впереди, на западе, дерутся наши армии, а между ними и остальными нашими войсками находятся немцы.

Так и было на самом деле. Только с той разницей, что наши армии на западе были окружены и выходили частями. После страшных поражений на границах в первые два дня войны было решено не поддерживать всех, кто остался, не помогать окруженным частям, не бросать на съедение новые дивизии. Решили оставить всех там, впереди, на произвол судьбы,

драться и умирать, а из всего, что было в тылу, по Днепру и Березине организовать новую линию обороны. Если бы не это, немцы действительно за 6 недель дошли бы до Москвы».

На проселочной дороге под Могилёвом невесть откуда взявшийся милиционер по собственному почину собирает вышедших из окружения одиночек. Стоит на дороге в надежде, что проедет какой-нибудь командир. Рядом на обочине сидят двое, вырвавшиеся из окружения.

Совсем неподалеку 12 и 13 июля шел бой. 12-го бой продолжался 14 часов, 13-го — 10 часов. 12-го на полк под командованием [Семёна] Кутепова шли танки генерала Моделя. Танки с открытыми люками, из которых по пояс торчат немецкие офицеры. За танками — пехота с закрученными рукавами. Кутеповцы уничтожат 39 танков.

Храбрец генерал Марков, легенда Белой Добровольческой армии, а до того герой Германской войны, в 1915 году говорил о таких ситуациях: «Так страшно, что даже весело».

На следующий день, 13-го, немцы предпримут психическую атаку. Их пехота пойдет стройными колоннами с развернутыми знаменами. Из этих колонн уцелеют немногие. После отражения психической атаки у комполка Кутепова странное выражение лица: одновременно готовность еще сутки вести бой и в то же время — готовность уснуть в любую секунду.

14 июля — тишина. Работает немецкая похоронная команда. Кутеповцы не мешают. Большой участок в несколько гектаров на нейтральной полосе покрывается березовыми крестами над немецкими могилами. В ночь с 12-го на 13-е, во время

передышки между боями, наши и немецкие похоронные бригады работали вместе.

Кутеповцы решили между собой: чтобы там кругом ни было, кто бы там ни отступал, а мы стоим вот тут у Могилёва, и будем стоять, пока живы. Война с самого начала предоставила людям возможность самостоятельного выбора, которого они были лишены в довоенной жизни. Пусть даже такого жесткого, как стоять насмерть. Командование со своей стороны ничего предложить не могло, оно было катастрофически не готово к спланированному, организованному отступлению.

Как оставляли Смоленск

С началом войны в первую очередь из строя вышла система связи. Ни одного подземного узла связи нет. Сталин и Жуков связываются с фронтами через центральный телеграф на улице Горького. Одна бомбежка могла лишить Сталина вообще всякой информации.

15 июля начался массовый исход жителей из Смоленска. Леонид Андреев, в будущем профессор, декан филфака МГУ, вспоминал: «Улицы были заполнены беженцами и войсками. У разбитого дома торговали мороженым. В ярком небе висели немецкие самолеты. В магазине без окон и дверей стояла очередь за сметаной. На берегу лежали восемь трупов расстрелянных немецких парашютистов. Под мостом закладывали шашки со взрывчаткой. На мосту тягач проехал по голове убитого подростка. Паника гнала людей на вокзал, лишала рассудка. Подошел состав с открытыми грузовыми платформами. Тысячи людей бросились к ним, опрокидывая друг друга, роняя узлы и чемоданы, крича, плача и ругаясь.

Генерал армии Георгий Жуков под Ельней, 1941 год. Фото: Mil.ru

Рядом с составом вдруг застучал крупнокалиберный зенитный пулемет. Люди метнулись к стенам вокзала, под платформы. Неудержимо плакала потерявшаяся девочка лет четырех. Пулеметная очередь осыпала ее брызгами разбитой штукатурки».

К 20 июля в районе Смоленска в окружении оказываются три наши армии — 16-я, 19-я и 20-я. Немцы уже заняли Ельню, создав плацдарм, выдвинутый на восток.

Советское военное руководство полагает, что это вовсе не немецкий прорыв, а просто крупный десант, думает отбить Ельню за три-четыре дня. Освободят Ельню через полтора месяца. Но когда Жуков наступает на Ельню, немцы наступают на Киев.

Под Киевом в окружении в котле — пять армий Юго-Западного

фронта. По немецким данным, в плену под Киевом оказывается 665 тысяч человек. По данным историка генерала Д. Волкогонова — 453 тысячи человек, включая 60 тысяч командного состава.

В районе Мозырь–Гомель в плен попадает 78 тысяч, в Уманском котле в окружении две армии, 103 тысячи пленных.

С июня по декабрь 1941 года в немецком плену окажутся до 3 миллионов 335 тысяч советских солдат и офицеров.

На Западном фронте только в ходе Смоленского сражения в плен попадает до 300 тысяч человек. Почти 300 тысяч раненых, более 200 тысяч погибших. Окруженные под Смоленском войска и гражданское население имеют единственную возможность выхода — это узкая переправа через Днепр возле деревни Соловьёво. Участник событий Василий Палаженко вспоминал: «С запада на восток стекались с широкого фронта к Соловьёвской переправе. Переправа никакого прикрытия с воздуха не имела. Фашистские летчики с бреющего полета расстреливали людские потоки. На переправе из человеческих тел, повозок и мертвых лошадей образовалась плотина.

Операция «Тайфун»

До Москвы немцам остается 300 километров. Немецкая наступательная операция на столицу получает название «Тайфун». Ее планирование завершено к 19 сентября. Командование Западного фронта только 26 сентября докладывает в Ставку, что, по данным разведки, возможно немецкое наступление на Москву. На следующий день издается директива о необходимости перехода к «жесткой и упорной обороне», о создании фронтовых резервов и совершенствовании

оборонительных сооружений. Но эти документы не успевают дойти до передовых частей.

Командный пункт Западного фронта в это время размещен рядом со станцией Касня, на господствующей высоте в ярко-белом с колоннами старинном особняке князей Волконских. Все подъезды к дому посыпаны желтым песком. Узел связи — под легкими козырьками рядом с усадьбой. Наблюдается оживленное движение машин и военнослужащих.

В первый день операции «Тайфун», 2 октября, 27 бомбардировщиков наносят удар по командному пункту Западного фронта. Здание разрушено, 73 убитых.

Первоочередная задача немецкого командования — окружение и уничтожение советских войск в районах Брянска и Вязьмы. Решение этой задачи открывает путь на Москву.

Орёл взят 3 сентября, абсолютно неожиданно для командования Брянского фронта. Когда немецкие танки врываются в Орёл, в городе спокойно ходят трамваи, полные людей.

Немецкие войска едут по улице Ленина (бывшей Болховской) в Орле, октябрь 1941 года. Фото: Wikimedia

Командующий Орловским военным округом генерал-лейтенант Тюрин, отвечающий за оборону города, узнает о взятии города от рассыльного, который вбегает в штаб с криком, что немецкие танки на улицах города. Через три дня, 6 октября, окружен и взят Брянск. В котле оказываются три армии. Из окружения выйдет менее 20% личного состава.

Когда будет принято решение отвести войска на рубеж Ржев–Вязьма, отход будут прикрывать ополченцы. Это люди старших возрастов и молодежь, негодная к строевой службе. Оружие у них времен Первой мировой войны. Одна винтовка на двоих, и на всех — один пулемет. Уровень боевой подготовки крайне низкий. Но они — добровольцы и проявляют невероятную стойкость.

Когда будет принято решение отвести войска

на рубеж Ржев–Вязьма, эти люди будут прикрывать отход. И это они встанут под удар немецких армий группы «Центр». И попадут в страшнейшее окружение под Вязьмой.

Ополченец Борис Фридман вспоминал: «1 октября 41-го года мы сидим с однополчанином, беседуем о том о сем, и он, регулярно бывавший в штабе полка, говорит мне: “Идут разговоры, что мы уже окружены”. Я ему в ответ: “Да что вы, Александр Николаевич, этого не может быть, была бы слышна стрельба, а кругом так тихо, так спокойно”».

Бомбардировка будет на следующий день, 2 октября. Операция «Тайфун» начинается с тотальной бомбардировки. Она полностью нарушает связь между советскими войсками. Немецкие танковые клинья по гигантским дугам двигаются в обход основных сил наших армий и уже 7 октября завершают полное окружение наших частей. Затем по магистрали Москва–Минск они рассекают окруженную группировку надвое и приступают к ее уничтожению. Предвидя катастрофу окружения, командующий Западным фронтом Конев еще 4 октября докладывает Сталину о ситуации. Всё решают часы и даже минуты, но 4-го Сталин разрешения на организованное отступление не дает. Только 5 октября Ставка утвердит приказ об отступлении. Реально оно начнется только 6-го. Будет уже поздно. Окруженец военврач Иван Акопов вспоминал: «На глазах разваливалась вся организация отступления. Все части перемешались, никто не управлял движением. Карт у нас не было, не было их и у командиров других частей. Некоторые части стали сворачивать с главной дороги на прилегающие, чтобы ускорить продвижение. Попадались брошенные грузовики, видели отдыхающих, в одиночку и группами. На наш вопрос, куда они идут, отвечали, что идут куда глаза глядят, надеясь выйти к своим».

Разгромленная гитлеровская танковая часть у деревни Скирманово, 1941 год. Фото: Alexander Kapustyanskiy / RIA Novosti archive / CC-BY-SA 3.0

Ополченец Александр Леляичев: «Раненых взять нельзя, мертвых захоронить тоже. Отходим».

Еще из воспоминаний окруженца: «Когда я очнулся после бомбежки, вокруг было безлюдно. Только убитые. Я пошел по лесной дороге, меня нагнал военный грузовик. Мне помогли залезть. Проехали одну деревню. На улице ни души. Проехали еще две деревни — всюду тихо. И это стало успокаивать. И вот на полном ходу мы въезжаем в следующую деревню — и попадаем в кольцо немецких танков. Нас останавливают. Возникают немецкие автоматчики. Я — в плену. Новые группы пленных прибывали весь следующий день. Потом нас всех привели в транзитный лагерь для военнопленных в маленьком городке. Потом колонна военнопленных двинулась в долгий путь. Ни конца, ни начала ее видно не было».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ БЫВШЕГО ПЛЕННОГО:

«В больших селах колонна ненадолго останавливалась. Деревенские старики сумрачно глядели на нас, и я не видел сочувствия в их глазах».

Вязьма в двухстах километрах от Москвы — это адский котел, в котором перемешалось всё: окружение, плен и невероятной жесточенности, поистине героические бои окруженцев, на две недели сковавшие немецкое продвижение на Москву.

Вспоминает военврач Иван Акопов: «Погиб весь орудийный расчет действующей пушки. Вокруг орудия в разных позах лежало несколько трупов. Один возле самого колеса пушки с раскинутыми руками и широко открытыми глазами как будто смотрел в небо. Взгляд последнего живого артиллериста был полон ненависти и, я бы сказал, азарта. Он не чувствовал, что всё его лицо забрызгано кровью его погибших товарищей, и ничего не ощущал вокруг, кроме врага... Я заметил еще одного раненого, который лежал на спине и что-то громко говорил. Я подбежал к нему и ужаснулся: он был ранен в живот, вышел значительный отрезок кишечной петли, он вряд ли мог остаться в живых, я перевязывал его, а он смотрел на летящие над нами самолеты и с ненавистью твердил: "Стреляй, строчи, фашистская сволочь! Мы еще повоюем с вами"».

Окружение под Вязьмой — это до 600 тысяч пленных и около 400 тысяч убитых. После войны Богородицкое поле под Вязьмой пахать было нельзя. Человеческие кости лежали на глубине штыковой лопаты.

Сталин, не давший своевременный приказ об отступлении, 8 октября шлет паническую радиogramму в штаб окруженной 19-

й армии: «Из-за неприхода окруженных войск к Москве Москву защищать некем и нечем. Повторяю: некем и нечем».

Ожесточенные бои идут уже под Можайском. Они идут и прямо на Бородинском поле. Эти бои на неделю сдерживают немецкое наступление. А счет в это время идет на дни.

Советский артиллерийский расчёт 45-мм противотанковой пушки, ноябрь-декабрь 1941 года. Фото: Мил

«Товарищ Сталин не предатель»

Это было как раз 16 октября, когда в Москве замолчало радио, и целый день не было ни одного спокойного голоса, который обратился бы к населению и сказал: «Надо защищать город».

Писатель Аркадий Первенцев вспоминал: «16 октября брошенный город грабился. Я видел, как грабили фабрику “Большевик” и дорога была усеяна печеньем. Грабили мясокомбинат имени Микояна. Сотни тысяч распущенных

рабочих, сотни тысяч жен рабочих и их детей, оборванных и нищих, были брошены на произвол судьбы. Они вдруг поняли, что никому не нужны».

Главный инженер ГПЗ N 1 Сурнакин вспоминал: «Народ неожиданно остался ни при чем. Многие говорили: “Дали б нам оружие, мы б пошли воевать. А то получи расчет и уходи”».

Лишь к вечеру в уличных громкоговорителях раздался какой-то шорох и затем выступил председатель Моссовета Пронин. Он призвал население к спокойствию и пообещал навести порядок. Паника в городе продолжалась еще три дня. В один из этих дней Сталин позвонил командующему Западным фронтом Коневу.

Конев вспоминал: «Сталин позвонил с почти истерическими словами. Сталин говорил о себе в третьем лице: “Товарищ Сталин не предатель, товарищ Сталин не изменник, товарищ Сталин — честный человек, вся его ошибка в том, что он слишком доверился кавалеристам, товарищ Сталин сделает всё, что в его силах, чтобы исправить сложившееся положение”».

В критический момент, когда немцы подходили к Москве, Сталин был не в состоянии продемонстрировать консолидирующую волю.

Советский маршал Иван Конев. Фото: Mil

Маршал Иван Конев вспоминал: «В обстановке этого вакуума, растерянности надо было возмещать своими волями отсутствие воли сверху и делать всё возможное для спасения положения».

Сталинская истерика — не только страх за свою власть, но и за собственную жизнь, что на самом деле взаимосвязано: потеря власти означала бы для Сталина немедленное физическое уничтожение силами своего ближайшего окружения. Тем более, после всех провалов, окружений и жертв, после Пакта Молотова-Риббентропа с секретными протоколами, — Сталина легко могли бы объявить изменником родины и даже официально судить, и осудить, и приговорить к высшей мере. Кроме того, ему поставили бы в вину предвоенные массовые репрессии в армии. Именно поэтому в разговоре с Коневым Сталин говорит, что «он слишком доверился кавалеристам», тем самым желая переложить вину на Ворошилова с Будённым. Это

они — те два из пяти советских маршалов, которым Сталин сохранил жизнь, расстреляв по ложным обвинениям куда более эффективных Тухачевского, Блюхера и Егорова. А вслед за ними были оклеветаны, арестованы и убиты тысячи и тысячи, составлявшие цвет армии. И нельзя забывать, что творилось в душах людей, оставшихся служить в армии, — в атмосфере подозрений, доносов, угрозы ареста и расстрела.

Эта атмосфера делала людей на командирских должностях беспомощными, не способными на решения, — худшее, что могло быть в преддверии войны. В 1941 году запрос оказался на прямо противоположные характеристики.

До 16 октября Сталин планировал отъезд из Москвы, но в результате не уехал. В сложившейся на фронте обстановке это было рискованно, но исключительно прагматично — для удержания власти в собственных руках. Люди, остававшиеся в Москве и гибнущие за Москву, не знали об этих личных сталинских мотивах, но чувство, что они окончательно брошены властью, отступило.

Спасение с Дальнего Востока

Новый этап немецкого наступления на Москву начинается 15 ноября. В конце ноября до Москвы остается не более 30 километров. Второго декабря немцы подтягивают орудия для обстрела города в район Крюково. Это всего в 10 км от нынешней кольцевой дороги.

На оборону Москвы прибывают части с Дальнего Востока, из Средней Азии и Сибири. Это стало возможным вследствие того, что Япония сохранила приверженность Договору о

нейтралитете, подписанному с СССР весной 1941 года. А главное, в Токио, несмотря на уговоры Гитлера, предлагавшего разорвать с двух сторон Советский Союз, в качестве приоритетной цели были выбраны Соединённые Штаты, о чём разведка, разумеется, доложила Сталину.

Саперы готовятся к строительству моста после освобождения Наро-Фоминска, декабрь 1941 года. Фото: Александр Устинов / RIA Novosti archive / CC-BY-SA 3.0

Наша кадровая армия, встретившая наступление немцев, к этому времени была перебита. Возможность перекинуть с Дальнего Востока и из Сибири свежие кадровые части, сытые и обученные, сделала реальным наше контрнаступление под Москвой. О них будет писать домой немецкий солдат: «Русские при наступлении используют огромное количество живой силы, которую командование упрямо вводит в бой и этим добивается успеха. Русские всегда славились своим презрением к смерти. Коммунистический режим еще более развил это качество. Дважды предпринятая атака, будет повторена в

третий и четвертый раз, невзирая на потери. Причем третья и четвертая будут проведены с прежним упрямством и хладнокровием. Пехота идет в атаку в сомкнутых строях. Она появляется словно из-под земли и идет как лавина. Огромные бреши от нашего огня немедленно заполняются. Волны пехоты катятся, одна за другой, по ковру трупов».

Это начало другого этапа войны. Она будет такой страшной, что 16 октября, которое могло стать черт знает какой датой в нашей истории, поблекнет в памяти даже у москвичей военного поколения. А ведь всё висело на нитке: отступающая армия, бегущее чиновничество, парализованное руководство, население Москвы, от отчаяния осмелевшее, не скрывающее ярости от беспомощности и трусости власти. Но последующая война, а главное, победа сделают события тех дней несущественными. Будут забыты и кошмары довоенных лет. Сталину простят и голод с людоедством, и массовые репрессии. А словосочетание «до войны» надолго окрасит тот трагический период в светлые, сказочно-пасторальные тона.

И всё это — на руку власти.